
XXI СТОЛЕТИЕ: СОБЫТИЯ И ПРОЦЕССЫ

М. Е. ТКАЧУК, А. А. РОМАНЧУК,
Ю. Д. ТИМОТИНА

«РЕВОЛЮЦИЯ» 7 АПРЕЛЯ 2009 Г. В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: СОБЫТИЯ И ИХ ПРИЧИНЫ

В статье рассматриваются события и причины, а также некоторые последствия так называемой молдавской революции 7 апреля 2009 г. Эти события были названы многими экспертами «твиттерной революцией». Однако роль Twitter и других социальных сетей сильно переоценена. Большинство участников протестов были созданы лидерами молдавской оппозиции.

Авторы рассматривают основной контекст событий и представляют их основных участников: политических лидеров, партии и социальные группы. Они представляют предыдущий процесс формирования политической элиты в постсоветской Молдове как важный фактор происходящих событий. Наиболее существенной чертой этой элиты является исключительная ориентация на иностранные политические силы, особенно на Румынию. Румынский фактор, помимо его длительного влияния на ситуацию в Молдове, также сыграл прямую подстрекательскую роль в событиях 7 апреля.

Эти события стали возможны только потому, что предыдущие три десятилетия привели к формированию двух радикально противоположных и, следовательно, непримиримых точек зрения на возможные пути развития Молдовы. Первая (хронологически) – румынская унионистская (которая в то же время все больше осознавала свою прозападную ориентацию). Вторая, возникшая позже, исходила из необходимости и возможности для Молдовы сохранить свой независимый статус, заняв сбалансированную позицию по отношению к России и Европе.

В то же время за событиями 7 апреля стояло множество причин и спусковых механизмов. Это был целый клубок внутренних и внешних

факторов. Создается впечатление, что здесь сплелись действия нескольких совершенно разных сил, каждая из которых преследовала собственные цели. Синергия, стоящая за событиями 7 апреля 2009 г., является результатом этого взаимодействия.

Кроме того, важно подчеркнуть, что западные СМИ и западные эксперты часто представляют события 7 апреля как революцию, организованную с целью свержения «антидемократического коммунистического режима в беднейшей стране Европы». Авторы считают, что такая позиция является существенным искажением реального положения дел. Молдова стала самой бедной страной в Европе в 1990-х гг., в то время как в 2001–2009 гг. при правлении ПКРМ страна добилась значительного прорыва в развитии и повысила уровень жизни. Молдавские коммунисты являлись проевропейски настроенными (и весьма демократичными) по крайней мере с 2002 г. И существенным элементом в предыстории событий 7 апреля является та модернизация, которая была проведена ПКРМ в Молдове в течение предыдущих восьми лет.

Ключевые слова: цветная революция, Республика Молдова, постсоветские страны, политика, экономика, демократия.

Хотелось бы предварить нижеследующий текст несколькими вводными замечаниями.

Итак, наша статья, посвященная событиям 7 апреля 2009 г. в Республике Молдова (Tkachuk *et al.* 2022), хотя и вышла в прошлом году, была написана пятью годами ранее. Безусловно, за прошедшие годы кое-что изменилось и в нас, и в окружающем мире. Особенно, разумеется, в мире – хотя, заметим, информации (в открытом доступе) о тех событиях не стало больше.

И мы, публикуя этот текст, конечно, желали бы на эти изменения отреагировать. Однако серьезный недостаток времени пока не позволяет нам это свое желание осуществить.

С другой стороны, как нам кажется, для русскоязычного читателя, заинтересованного в том, чтобы лучше понять, что именно, как и почему произошло во время «молдавской весны», этот наш текст, пусть и написанный еще пять лет назад (а потому, как очевидно, в той или иной мере устаревший), будет небесполезен. Именно поэтому мы решили опубликовать его на страницах журнала таким, как он есть, без существенных изменений и дополнений – надеясь в будущем все же обратиться к данной проблеме еще раз.

1. Против сценария: к вопросу о термине «твиттерная революция» (Вместо введения)

То, что случилось в Кишиневе 7 апреля 2009 г., спустя несколько дней было квалифицировано в качестве нового протестного феномена, получившего название «твиттерной революции» (Mogozov 2009; Mungiu-Pippidi, Munteanu 2009). Считалось, что в молдавской столице тогда была взята очередная технологическая высота в инженерии массовых акций, которые позже проявятся в канве событий «арабской весны» и очередного киевского Евромайдана. Персональная мобилизация посредством адресной sms-рассылки на телефоны нового поколения, подключенных к социальным сетям, в сочетании с онлайн-вещанием происходящего на телевидении и в Интернете – все это было впервые.

Тем не менее полагаем, что вовсе не это принципиально отличает события тех дней в Кишиневе от иных цветных революций.

К тому же вскоре выяснилось, что собственно роль «Твиттера», прочих социальных сетей и персональных гаджетов нового поколения была многократно преувеличена некоторыми экспертами. Наверное, многим тогда *post factum* хотелось придать этим событиям больше инновационной респектабельности – особенно на фоне разгромленного здания администрации президента, сожженного и разграбленного парламента.

Впрочем, немецкое издание *Frankfurter Rundschau* сразу же назвало эти события «бульжной революцией» (понимая под «бульжниками» тротуарную плитку; именно ее подвозили протестующим некие так до сих пор и не установленные люди, и именно ею протестующие закидывали безропотно стоявших полицейских, в значительной части – курсантов полицейской академии, а отнюдь не спецназ и не ОМОН).

Как бы то ни было, все это лишь бумажный фантик, обертка событий, строго говоря – малоинтересная.

Гораздо интереснее тезис, озвученный сразу же некоторыми экспертами – о том, что имела место стихийная, спонтанная, неорганизованная революция. Его неверность также стала очевидной, когда после разгрома зданий парламента и президентуры все лидеры оппозиции и организаторы протестов дружно отреклись от ответственности за произошедшее и заговорили о неких «провокаторах» (и в самом деле: тротуарную плитку кто-то же все-таки подвозил, и подвозил вовремя; с другой стороны, и значительную часть

студентов 7 апреля на площадь выводили вполне централизованно, чуть ли не группами во главе с преподавателями, и по прямому указанию ректоров кишиневских вузов, в подавляющем большинстве находившихся на стороне оппозиции). Тем не менее тезис этот парадоксально жив и по сей день – мирно сосуществуя с версией о «провокациях, организовавших погром».

Но по большому счету, конечно же, экстраординарный колорит всей этой ситуации придавал тот факт, что протестующие в Кишиневе свергали не некий «постсоветский режим», «квазидиктатуру», которой обычно приписывались, как в 2003 г. в Грузии и в 2004 г. на Украине, некие родовые карикатурные советские черты. Взрывной протест оппозиции был нацелен против власти политической партии, которая, хотя и открыто именовала себя коммунистической, пользовалась полной поддержкой западных демократий, и не только провозгласила, но и достаточно последовательно проводила курс на евроинтеграцию Республики Молдова. И которая 5 апреля 2009 г. в третий раз одержала победу на выборах, получив 60 мандатов из 101. Победу, которую в очередной раз признали демократической все международные наблюдатели.

Вот, к примеру, самые яркие недвусмысленные оценки прошедших выборов, прозвучавшие на следующий день, 6 апреля.

Глава делегации ПА ОБСЕ и спецкоординатор краткосрочной миссии наблюдателей от ОБСЕ Петрос Ефтимчу сообщил: «Эти выборы прошли очень хорошо и придали мне большую уверенность в будущем этой страны». Глава делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы Дэвид Уилшир поздравил «народ Молдавии с тем, как спокойно, хорошо и демократично прошел день голосования». Глава делегации Европарламента Марианна Микко обратила внимание на улучшения по сравнению с парламентскими выборами 2005 г. Глава долгосрочной миссии наблюдателей от БДИПЧ ОБСЕ Николай Вулчанов сообщил, что в целом оценка международными наблюдателями парламентских выборов в Молдавии позитивна (Выборы... 2009; ОБСЕ... 2009).

И, несмотря на эти оценки, далее происходит ломка всем известного, хрестоматийного сценария цветных революций. В буквальном противоречии со всем освоенным опытом «бархатных», цветных, «померанчевых» революций – не негативная, а, наоборот, крайне позитивная оценка итогов выборов со стороны международных наблюдателей стала прологом к атаке на власть. В тот же день, 6 апреля 2009 г., через несколько часов после заявлений меж-

дународных наблюдателей, у администрации президента собралось несколько тысяч человек, перекрывших движение в центре города. Главная претензия протестующих: «Выборы украдены!» И уже в этот день прозвучало программное заявление одного из лидеров тех событий: «Нам не нужен парламент, нам не нужен президент. Все это есть у нас в Бухаресте!» А на следующий день в Молдове случилось событие, расколовшее надвое историю этой страны в XXI в. на два непохожих друг на друга восьмилетия.

Таким образом, используя кое-где далее для обозначения этого события термин «твиттерная революция», мы исходим просто из необходимости применить какой-то короткий и удобный для использования в речи ярлык – не более того. То, что революция не была «твиттерной», мы уже отметили. Равно как и постарались показать то, что, во всяком случае, это была атипичная революция.

Но что на самом деле произошло 7 апреля 2009 г. в Молдове? И почему это произошло?

В нижеследующем тексте мы постараемся изложить факты и наши их оценки, которые, надеемся, помогут читателям получить ответы на эти вопросы.

Начнем с того, что вкратце изложим основную канву событий и представим их главных участников: политических лидеров, партии, социальные группы.

2. 7 апреля 2009 г., Кишинев, Республика Молдова: как это было?

По всей видимости, дата 7 апреля – несчастливая для Молдовы. Именно 7 апреля произошел известный Кишиневский погром 1903 г. И 7 апреля же 2009 г. акции протеста тогдашней «проевропейской» оппозиции переросли в погромы и бесчинства, в ходе которых были разгромлены президентский дворец и парламент Республики Молдова. События эти поистине шокировали страну и стали прологом к утрате власти ПКРМ и победе так называемых проевропейских партий на повторных выборах в июле этого же года.

Мы используем здесь выражение «так называемые» и заключаем далее слова «проевропейские партии» в кавычки по причинам, которые хорошо были объяснены нами ранее (в частности, достаточно подробно в: Романчук 2015а; 2015б; Ткачук 2015) и которых мы еще коснемся детальнее в следующих разделах.

Итак, отсчет событий 7 апреля на самом деле стоит начать с такого примечательного и не раз отмечавшегося экспертами факта: тогдашняя оппозиция правительству ПКРМ зарезервировала центральную площадь Кишинева для своих акций протеста еще задолго до выборов 5 апреля 2009 г. И заранее же объявила эти выборы нечестными, сфальсифицированными и, следовательно, нелегитимными.

Протесты 6 апреля собрали, по разным подсчетам, до двух тысяч человек (или даже более; некоторые участники акции называли цифры 10 и даже 15 тысяч, но это представляется сильным преувеличением). Какую часть из них составили пришедшие благодаря «Твиттеру» и прочим социальным сетям – вопрос на самом деле открытый. Можно полагать, что не такую уж и большую – всего лишь до 300–400 человек. Во всяком случае, согласно утверждению журналистки Натальи Морарь, провозгласившей себя одним из организаторов акции протеста, в заявке на разрешение они указали цифру лишь в 50 человек (Морарь 2009).

Акция протеста 6 апреля, продолжавшаяся до 21:00, закончилась относительно мирно. Ее участники скандировали лозунги, направленные против ПКРМ: «Долой коммунистов!», «Лучше быть мертвым, чем коммунистом!» и подобные.

В этот же день Влад Филат, лидер ведущей оппозиционной на тот момент Либерально-демократической партии (ЛДПМ), заявил на пресс-конференции о непризнании итогов выборов и намерении начать совместно с другими оппозиционными партиями, прежде всего с Либеральной партией (лидеры: Михай Гимпу и его племянник Дорин Киртоакэ, на тот момент и позднее – мэр Кишинева) и альянсом «Наша Молдова» (лидер – бывший мэр Кишинева Серафим Урекяну), массовые уличные акции протеста.

В результате на следующий же день, 7 апреля, на центральную площадь Кишинева действительно вышло более 10 тысяч человек. Эти протесты и переросли в массовые беспорядки и погромы, увенчавшиеся разгромом зданий президентуры и парламента, а также водружением над ними знамени Румынии.

Протестующие 7 апреля массово скандировали румыно-унионистские лозунги (вроде отмеченных выше: «Мы – румыны», «Нам не нужны правительство и парламент – все это у нас есть в Бухаресте» и подобные).

Существенной характеристикой ситуации является то, что полиция не предприняла никаких активных действий по пресечению

действий погромщиков и выступила в качестве неподвижной мишени для тротуарной плитки; значительную часть пострадавших днем составили как раз полицейские.

Только поздно вечером 7 апреля, после того как значительная часть протестующих уже покинула площадь, туда был введен спецназ МВД, разогнавший оставшихся протестующих и задержавший более 100 человек (как утверждали впоследствии лидеры оппозиции, в их число попали и совершенно случайные люди).

Дневное невмешательство полиции представители ПКРМ и лично В. Воронин впоследствии неизменно объясняли тем, что хотели не допустить кровопролития. Не желали, чтобы пострадали дети (действительно, значительную часть протестующих составляли подростки – студенты и даже школьники), поскольку подозревали, что именно втянуть власть в насильственные действия по отношению к протестующим, замарать власть кровью и было основной целью организаторов этих событий.

Сценарий цветных революций действительно предполагает такую стратегию, и эти опасения ПКРМ выглядят вполне обоснованными. А избранная днем тактика ненасилия на тот момент принесла ПКРМ весьма серьезную имиджевую победу.

Однако уже вечером полиция с протестующими мало церемонилась: погиб как минимум один человек (Валериу Бобок; полиция утверждала впоследствии, что не причастна к его смерти). Задержанных же (в подавляющем большинстве – самых обычных людей) начали нещадно избивать в полицейских участках, что вызвало очень негативную реакцию и в стране, и за рубежом.

Имиджевая победа, достигнутая ПКРМ днем 7 апреля, была если не полностью перечеркнута, то сильно смазана этими действиями.

Спустя некоторое время по настойчивым рекомендациям некоторых своих советников и под внешнеполитическим давлением В. Воронин объявил амнистию всем задержанным.

События 7 апреля стали прологом к потере власти ПКРМ и затяжному политическому кризису в стране, длящемуся по сей день¹.

Прежде всего они вынудили ПКРМ объявить повторные выборы. На них партия рассчитывала, и вполне резонно, повторить апрельский успех – а может быть, даже и превзойти его.

¹ Мы написали это предложение в 2017 г. – но оно верно и сегодня, в 2023 г.

Но уже в мае произошел раскол внутри самой ПКРМ; одна из крупнейших и очень популярных в стране фигур в руководстве партии, Мариан Лупу, которого многие даже считали преемником В. Воронина, порвал с бывшими соратниками и возглавил совершенно незначительную на тот момент Демократическую партию (ДПМ).

Как выяснилось чуть позже, за схемой с ДПМ стоял близкий до того к В. Воронину молдавский олигарх с очень сомнительной репутацией – В. Плахотнюк. Именно он стал реальным «хозяином» и ДПМ, и самого М. Лупу.

Позиционируя себя как «правильную версию» ПКРМ и идя на выборы с фактически той же платформой, ДПМ расколола электорат ПКРМ и оттянула на себя значительную часть ее голосов.

С этого момента началось падение ПКРМ, которое растянулось на несколько лет.

ДПМ, обещавшая своим избирателям заключить коалицию с ПКРМ, совершенно неожиданно к декабрю 2009 г. вступила в коалицию с так называемыми проевропейскими партиями (по степени влияния на тот момент: ЛДПМ, ЛП и альянс «Наша Молдова»). Вместе они образовали так называемый «Альянс за европейскую интеграцию» (АЕИ) и, меняя названия и в некоторой степени состав коалиции, при исключительной поддержке со стороны США и Евросоюза управляли страной в течение последующих восьми лет. Именно безоговорочная (невзирая на многочисленные нарушения партиями АЕИ закона, вплоть до молдавской Конституции, и чрезвычайную коррупцию) поддержка Запада уже с 2010 г. стала ключевой причиной сохранения АЕИ у власти (см. подробнее: Романчук 2015а; Ткачук 2015).

Итак, вот что случилось 7 апреля 2009 г. и в последующие дни.

Но почему?

Поговорим об этом ниже.

3. «Коммунистическая реформация» и европейская модернизация: Молдова накануне событий 7 апреля

Важную часть предыстории событий 7 апреля составляет та модернизация, которая была проведена ПКРМ в Молдове в течение предыдущих восьми лет.

Она весьма существенна еще и потому, что в представлениях западных СМИ и формулировках западных же экспертов и политиков события 7 апреля, как правило, предстают как революция, со-

вершенная для свержения «антидемократического коммунистического режима в беднейшей стране Европы».

Между тем эта оценка представляется нам существенно искажающей реальное положение дел (развернутая критика дана в: Романчук 2015а; Ткачук 2015; Tkachuk *et al.* 2022).

Начнем с того, что авторы и сторонники тезиса о «беднейшей стране Европы» практически единодушно игнорируют тот факт, что беднейшей страной Европы Молдова стала в 90-е гг. прошлого века. Тогда как в период 2001–2009 гг., когда у власти пребывала ПКРМ, был снова сделан мощный рывок в развитии страны и повышении уровня жизни населения.

Рассмотрим этот момент подробнее.

Итак, к 2001 г., за первое десятилетие последовательной политики «лингвистико-символической реставрации», проводимой тогдашними молдавскими властями, ВВП Молдавии рухнул на 65 %. Резервы Национального банка составляли всего лишь 222 млн долларов. Средняя пенсия в 2000 г. равнялась 7 долларам, средняя зарплата по экономике – 33 долларам, средняя зарплата в образовании и здравоохранении составляла чуть больше 16 долларов.

Ну и, конечно, потрясающая коррупция и развал, деградация властных институтов – ни до, ни после Молдова с подобными масштабами этого бедствия не сталкивалась.

На этом фоне победа на досрочных выборах партии коммунистов не кажется чем-то исключительным. Куда более удивительным, пожалуй, было то, что коммунисты эту власть удержали и еще дважды выигрывали парламентские выборы.

Однако на самом деле у этого «удивительного события» имеются вполне рациональные объяснения. А именно – вполне здравая политика (в том числе и в первую очередь – экономическая), которую проводили правительства ПКРМ. Правительства, кстати, чем далее – тем более составленные по принципу профессиональной компетентности, а не партийной принадлежности.

Этот факт был вполне очевиден многим западным экспертам.

Как отмечал 7 апреля 2009 г. американский эксперт румынского происхождения, ведущий аналитик вашингтонского фонда Jamestown Владимир Сокор по поводу последнего из правительств ПКРМ, «действующее правительство Молдовы, состоящее преимущественно из технических экспертов, бесспорно, вызывает доверие и кажется наиболее компетентным избирателям с момента обретения независимости по сравнению с предыдущими правительствами,

состоящими из политиков <...> Всего два члена нынешнего правительства из девятнадцати – коммунисты» (Sokor 2009).

Приведем некоторые цифры из тех, которые любили цитировать лояльные ПКРМ эксперты (см. подробнее: Tkachuk *et al.* 2022).

С 2001 по 2009 г. в стране, население которой без Приднестровья тогда составляло 3,7 млн человек, было создано около 300 тыс. рабочих мест. ВВП вырос за этот период на 59 %. На душу населения он вырос в 3,5 раза, с 354 до 1230 долларов. Валютные резервы Национального банка за тот же период выросли до 1 млрд 670 млн долларов. Объем иностранных инвестиций за восемь лет возрос более чем в шесть раз. Доходы государственного бюджета и бюджета социального страхования в сравнении с 2000 г. выросли в пять раз. Соотношение внешнего долга и ВВП сократилось вдвое. Средняя зарплата номинально возросла в восемь раз, в реальном выражении – более чем на 270 %. Средняя зарплата в экономике составила 300 долларов. Размер средней пенсии в сравнении с 2000 г. увеличился более чем в девять раз. Зарплата бюджетников – в пять раз. Зарплата работников здравоохранения выросла в девять раз. Зарплата педагогов в сравнении с 2000 г. повысилась практически в 12 раз, а расходы бюджетных средств на оплату стипендий за тот же период времени увеличились более чем в семь раз. Сами же расходы государства на образование также возросли в семь раз, на науку – в 14 раз.

Разумеется, рассмотрение ситуации под несколько иными углами зрения заставляет обратить внимание и на огромную зависимость ВВП Республики Молдова от денежных переводов молдавских гастарбайтеров (с 2000 по 2008 г. их объем вырос в восемь раз; соответственно, в большей или меньшей степени пропорционально этот рост должен отражать и рост численности этих самых гастарбайтеров в рассматриваемый период). Стоит учитывать, что средняя зарплата в 300 долларов на самом деле не очень адекватно отражает реальные доходы весьма значительных групп населения (к примеру, оклад многих университетских преподавателей и сотрудников Академии наук Молдовы к 2009 г. не слишком превышал уровень в 100 евро). Отметим также, что проблема найти достаточно престижную и высокооплачиваемую работу острее ощущалась как раз молодежью.

Вместе с тем, хотя можно по-разному оценивать степень успешности экономической политики ПКРМ, очевидно, что в срав-

нении с предшествующим временем 1990-х гг. был достигнут значительный прогресс.

Особо отметим, что, несмотря на начинающуюся волну глобального кризиса, Молдова к началу 2009 г. его практически не почувствовала. Напротив, по итогам 2008 г., согласно рейтингу британского издания *The Banker*, страна заняла пятое место в Индикаторе мировой финансовой состоятельности (Tayler 2009).

Также стоит особо подчеркнуть, что с 2002 г. ПКРМ провозгласила и последовательно проводила курс на евроинтеграцию (Hill, Kramer 2010).

До апреля 2009 г. этот факт, опять-таки, был хорошо известен и западным СМИ. В частности, журналист *The Guardian* Дж. Стил писал тогда: «**Moldova's communists are pro-European**» (Steele 2009).

И, опять-таки, как бы ни оценивались успехи ПКРМ на пути евроинтеграции, то, что она двигалась именно в этом направлении – несомненно.

Помимо достаточно успешной экономической политики ПКРМ и взятого ею курса на евроинтеграцию, весьма существенно также, что с 2001 г. коммунисты сумели справиться с несколькими политическими кризисами.

И важно, что за все месяцы протестов, которые в 2001 г. собирали десятки тысяч противников коммунистов, по отношению к протестующим ни разу ни была применена сила. В каком-то смысле власть усвоила этот опыт в качестве универсального и единственного в своем отношении к будущим массовым акциям оппозиции.

Далее, в 2005 г. ПКРМ удалось сформировать так называемый Консенсус за европейскую интеграцию, куда вошли их недавние заклятые враги – тогда еще прорумынские Христианско-демократическая и Социал-либеральная партии, а также умеренная Демократическая партия. Такое распределение полномочий между властью и оппозицией было названо системой «политического альтруизма» (фактически эта модель вполне соответствует тому, что А. Лейпхарт определял как «со-общественная демократия», или модель «большой коалиции») и просуществовало до ухода коммунистов в оппозицию.

Наконец, в 2009 г. состоявшиеся за десять дней до выборов трехсторонняя встреча Владимира Воронина, лидера Приднестровья Игоря Смирнова и президента России Дмитрия Медведева, а также двусторонняя встреча Воронина и В. В. Путина во многом предприняли новую оглушительную победу Коммунистической

партии. Коммунисты выровняли геополитическую асимметрию в отношении управляемой ими страны. Теперь интрига состояла только в одном: смогут ли и на этот раз коммунисты не просто выиграть, а выиграть правильно, то есть получить международную легитимность своей победы, в первую очередь признание выборов свободными и демократическими? Но и эта угроза оказалась мнимой. Коммунисты весной 2009 г. готовились увидеть повторение 2005 или 2002 г. Как генералы, которые всегда готовятся к прошедшей войне, они не заметили своего главного противника.

4. Причины и пусковой механизм событий 7 апреля: переплетение внутренних и внешних факторов

Как видим, ситуация в Молдове накануне событий 7 апреля отнюдь не предвещала «революции». Тем не менее она произошла.

Что же запустило механизм этих событий?

Начнем с того, что бегло обрисуюм предлагавшиеся ранее объяснения.

Прежде всего, конечно, надо заметить, что западные СМИ после короткой паузы (а некоторые и сразу) достаточно единодушно интерпретировали события 7 апреля как революцию, совершенную прозападной и либерально настроенной молодежью для свержения «антидемократического коммунистического режима в беднейшей стране Европы» (подробнее см.: Романчук 2015а). Зачастую добавляя также «пророссийского».

Выше мы уже постарались показать, в какой мере эта точка зрения представляет собой искажение реальности. Да, основной движущей силой событий 7 апреля была прозападная (но одновременно – и прорумынская) молодежь. Но правительство ПКРМ и руководимая им страна были совершенно не похожи на портрет, рисуемый западными СМИ. Скорее под это определение попадали как раз пришедшие им на смену правительства «роевропейской оппозиции», АЕИ, где процент людей, сформировавшихся и весьма преуспевавших еще в советское время, оказался гораздо выше (подробнее см.: Там же: прим. 4).

Поэтому предлагаемое западными СМИ «объяснение» на деле мало что объясняет.

Впрочем, некоторые западные медиаресурсы цитировали тогда и альтернативные точки зрения. Приведем оценку американского экономиста, специалиста по Молдове Кэррола Паттерсона: «Я бы не стал называть это антикоммунистическим движением. <...> На

самом деле это смена поколений. Это не коммунисты против оппозиции. Это бабушки против внуков» (Barry 2009).

Если рассматривать версию кризиса, то мы должны отметить, что, хотя последний, безусловно, сказался на Молдове, но, как уже было отмечено выше, страна переживала его сравнительно благополучно. Поэтому, не отрицая воздействие кризиса на Молдову, все же, на наш взгляд, невозможно принять его влияние ни основной причиной 7 апреля, ни даже одной из основных.

Напротив, идея К. Паттерсона, рассматривающего 7 апреля как конфликт поколений, заслуживает значительного внимания. Вместе с тем она тоже нуждается в коррективах.

Прежде всего, неверно представлять ситуацию таким образом, что на стороне ПКРМ были «бабушки», а на стороне проевропейской оппозиции – «внуки». На самом деле можно говорить лишь о том, что большая часть людей старшего поколения принадлежала к сторонникам ПКРМ. Но достаточно значительной была поддержка ПКРМ и среди молодых людей, прежде всего русскоязычной молодежи.

И она резко проявилась уже после 2009 г. – что хорошо прослеживается и по статистическим данным о количестве молодежи, вступившей в ПКРМ в период 2009–2014 гг.

Однако совершенно верно, что городская (прежде всего кишиневская) или обучающаяся в вузах Кишинева молдоязычная молодежь в основной массе (точных данных на этот счет все же нет) в той или иной мере поддерживала именно «провропейскую» оппозицию.

И это следует, во-первых, связывать с тем фактом, что на протяжении всего пребывания у власти ПКРМ не смогла решить фундаментальную проблему, унаследованную из 1990-х гг. А именно: и в Министерстве просвещения (парадоксально, но вплоть до назначаемых ПКРМ министров, которые проводили своего рода «политику невмешательства»), и в школах, и в вузах с молдавским языком обучения среди преподавательского состава резко доминировали румыно-унионистские настроения.

Фактически воспитание молдоязычной молодежи, выросшей в 2001–2009 гг., шло в румыно-унионистском и зачастую в агрессивно-националистическом духе. Суть идеологии, которую впитывало это подрастающее поколение, можно сформулировать в виде следующей «логической цепочки»: «Мы – румыны. Россия оккупировала, отняла у Румынии Бессарабию и принесла ей неисчисли-

мые беды. Русские виноваты в сегодняшних проблемах Молдовы. ПКРМ – это русские».

Во-вторых, ПКРМ не смогла решить проблему румыно-унионистских СМИ. Конечно же, не в смысле их запрета и санкционирования. Этого, насколько нам известно, как раз не было за весь период правления ПКРМ. Дело в другом: коммунисты пошли по пути наименьшего сопротивления. Они попросту старались увеличить количество подконтрольных им СМИ. Стремилась оказать максимальное влияние на весь неунионистский электорат, не вторгаясь на «площадку» своих радикальных оппонентов. В то же время в стране действовало не меньше (если не больше – пусть их возможности и ограничивались в первую очередь Кишиневом и крупными городами) СМИ, которые пропагандировали румыно-унионистские идеи. Или же – попросту находились в жесткой оппозиции к ПКРМ. И те и другие использовали тактику тотального очернения не только ПКРМ, но и самой молдавской государственности как политического проекта. Потребители продукции этих СМИ находились в своеобразном достаточно комфортном и безальтернативном информационном гетто. Любые оценки, любые призывы со стороны этих медиа воспринимались унионистским избирателем как истина в последней инстанции. И, несмотря на то, что численность этой категории избирателей была в несколько раз ниже избирателей-государственников, она была идейно отобилизована, непримирима к власти и государственности и сконцентрирована в самом главном и уязвимом месте страны – столице.

Здесь мы должны обратить внимание на воздействие на ситуацию экономического фактора. Хотя экономическая ситуация в Молдове все восемь лет пребывания ПКРМ у власти заметно (и даже очень заметно) улучшалась, все же уровень жизни в стране, безусловно, уступал и России, и Украине, и Румынии, и тем более Европе. Соответственно, люди были склонны серьезно недооценивать произошедшие в их жизни позитивные изменения, принимать их как само собой разумеющиеся и, наоборот, переоценивать существующие недостатки.

То есть «экономический» фактор являлся здесь в значительной мере психологическим. Молдавское общество все меньше сравнивало свое положение с 2001 г., и все больше – с зарубежными стандартами уровня и качества жизни. Считалось, что растущие доходы и позитивная динамика – это сама собой разумеющаяся данность. Что приход новых политиков в худшем случае не изменит самой

политики, но хотя бы сменит «картинку в телевизоре», надоевших за восемь лет коммунистов – на новые лица.

Здесь следует также отметить, что коммунисты попали в своего рода стратегический капкан. Обозначив амбициозную программу европейской модернизации, они невольно подсказали оппозиции более быстрый и простой путь достижения «гастрономического» европейского счастья. Путь, который не требовал особого напряжения, кроме свержения действующей власти.

Напомним, что с 2007 г. Румыния стала членом Европейского союза и, несмотря на свои институционные обязательства перед Брюсселем, развернула широкую антимолдавскую кампанию. Уже в качестве члена ЕС Румыния продолжала отказываться от подписания с Молдовой договоров о границе и базового политического договора. Мотивировка была всегда примерно одинаковой: «Между двумя Кореями и двумя Германиями подобные договоры невозможны». С другой стороны, Румыния как член ЕС закрыла безвизовый режим с Молдовой и одновременно упростила получение румынского, а в данном случае – европейского гражданства для молдавских граждан.

Поэтому румынский унионизм фактически получил второе дыхание. Путь европейской модернизации, проложенный и проводимый коммунистами, казался долгим и затратным, требовавшим принятия сотен законопроектов коммунитарного законодательства и их адаптации. Что, собственно, и происходило изо дня в день в молдавском парламенте, в то время как румынский президент Т. Бэсеску открыто предлагал все сделать быстро и просто – присоединиться к Румынии.

Таким образом, повторим еще раз: на наш взгляд, по большому счету, события 7 апреля стали возможны потому, что в стране за предыдущие три десятилетия сформировались две радикально противоположные и по определению непримиримые точки зрения на возможные пути развития Молдовы. Первая по времени – румыно-унионистская (и параллельно все более осознающая и провозглашающая себя прозападной). И вторая, исходящая из необходимости и возможности сохранения независимости Республики Молдова при ее равной ориентации и на Россию, и на Европу (за последние восемь лет симпатий к Европе у сторонников этой второй точки зрения резко поубавилось; не в последнюю очередь свою роль здесь сыграло то, что действия Запада после 2009 г. по отношению к си-

туации в Молдове были восприняты сторонниками ПКРМ как предательство [подробнее см.: Романчук 2011; 2015a]).

Именно поэтому оппозиция 2005 г., пошедшая на «консенсус» с ПКРМ, моментально потеряла своих избирателей и превратилась в политический труп, а ее политическую нишу заняли новые румыно-унионистские партии – ЛП и ЛДПМ.

Но укажем также, что, помимо румыно-унионистской оппозиции, в стране к 2009 г. сформировалась и значительная оппозиция из числа тех, кто был вполне согласен с идейной платформой ПКРМ, но оказался разочарован в самой партии. Именно эти люди в 2009 г. стали одной из основных, если не основной группой избирателей ДПМ. И их недовольство ПКРМ (в какой мере оправданное – вопрос, требующий отдельного рассмотрения, но, по мнению некоторых авторов этой статьи, достаточно заслуженное) тоже внесло свой весомый вклад в развитие событий.

Таковы в целом основные факторы, сформировавшие тот горячий коктейль, который взорвался 7 апреля 2009 г.

Однако возникает и другой вопрос: почему он взорвался, и почему именно в апреле 2009 г.? Что послужило детонатором?

Во-первых, можно, наверное, поверить заявлениям лидеров ЛДПМ и ЛП, что они не планировали перерастания мирной акции протеста в погромы, и что инициаторами выступили некие «провокаторы».

Хотя совершенно справедливо через три года в передаче на канале «Publica», посвященной событиям 7 апреля, один из лидеров ПКРМ М. Е. Ткачук заявил представителю ЛДПМ А. Тэнасе (который позднее занял должность главы Конституционного суда): «Вы несколько лет подогревали агрессивные настроения. Потом вы вывели этих ребят на площадь и сказали: “Вот враг!”. Каких еще провокаторов вы ищете?» (Ткачук 2012). Тогда Тэнасе ничего не смог против этого возразить. Да и вряд ли вообще на это можно возразить, поскольку именно так все и было.

Стоит подчеркнуть, что и румынский фактор, помимо того долговременного эффекта, который он оказывал на ситуацию в Молдове, 7 апреля действовал и как непосредственный «провокатор», в качестве настоящего горючего, которое буквально в прямом эфире «подливал» тогдашний президент Румынии Т. Бэеску, первым назвавший разворачивающиеся события революцией и первым приветствовавший ее.

Так что действительно, пожалуй, особой нужды в каких-то «провокаторах» и не было.

Но все же: кем были искомые «провокаторы»? И кто за ними стоял?

Были высказаны разные, даже взаимоисключающие точки зрения. ПКРМ уже в специально снятом (и носящем достаточно пропагандистский характер) фильме «Атака на Молдову» обвинила во всем оппозицию и соседнюю Румынию. Был даже объявлен персоной нон грата посол Румынии в Республике Молдова Филип Теодореску.

Оппозиция в ответ обвинила ПКРМ и «агентов Москвы».

Однако за последующие восемь лет пребывания у власти бывшей проевропейской оппозиции расследование этих событий не продвинулось ни на шаг. И это, конечно, весьма показательный момент.

Тем более что, поскольку большая часть событий 7 апреля была хорошо зафиксирована на видео (и представителями СМИ, и участниками, и многочисленными любопытными, и спецслужбами), установить провокаторов не так сложно. А далее – и выйти на их заказчиков и организаторов событий (даже если «провокаторы» были использованы втемную, вряд ли здесь не осталось никаких зацепок).

Поэтому то, что события 7 апреля за восемь лет пребывания проевропейских партий у власти так и остались «тайной», объясняется, по всей видимости, лишь их более или менее выраженным нежеланием действительно это расследовать. Что отчасти и понятно – по меткому выражению одного из журналистов, «не могут же они осудить сами себя».

Применительно к предполагаемому обеими сторонами внешнему фактору, во-первых, мы можем сказать, кому были выгодны и кому невыгодны события 7 апреля.

ПКРМ, получившая 60 мест (из 101) в парламенте и вполне способная найти (попросту купить – для молдавской политики это не слишком необычная практика и по сей день) недостающий один голос для избрания президента, как кажется, явно не была заинтересована в случившемся.

И здесь вырисовывается, кстати, еще одна загадка: почему ПКРМ, избравшая днем 7 апреля тактику ненасильственных действий и, как было отмечено выше, достигшая этим весьма серьезной имиджевой победы, допустила, чтобы эта победа была затем

почти напроць аннигилирована совершенно глупой чертой – жестокостью (и стоит добавить – абсолютно бессмысленной жестокостью, жестокостью ради жестокости) полиции по отношению к задержанным участникам протестов?

Если это было самовольство со стороны тогдашнего министра МВД Георгия Папука, то было ли оно его самостоятельным решением или все же инспирировано кем-то? И тогда – кем?

Что касается Москвы, то, как уже было отмечено выше, как раз в конце 2008 г. наметился очевидный сдвиг в диалоге с правительством ПКРМ по поводу Приднестровья. Общим ожиданием тогда было, что после успешно выигранных ПКРМ выборов произойдет если не реунификация Республики Молдова, то, по крайней мере, существенный сдвиг в этом направлении. Очевидно, на условиях, в значительной мере выгодных России. Поэтому события 7 апреля были, как кажется, и не в интересах РФ.

Напротив, очевидными бенефициариями 7 апреля оказались в конечном итоге и проевропейская оппозиция (для которой, кстати, являлось [и является] крайне невыгодным объединение Приднестровья с Молдовой – его результатом стало бы резкое увеличение электората ПКРМ и пришедших ей на смену партий), и Румыния, и США, и Евросоюз.

Разумеется, все вышесказанное ни в коей мере не следует рассматривать как обвинение в адрес США и ЕС или Румынии. Тем более что, судя по первой реакции, события 7 апреля стали неожиданностью (причем неприятной) и для посольства США в Молдове.

Что же касается румынского следа в событиях 7 апреля, то он прослеживается очень заметно. Ведь и ЛДПМ, и особенно ЛП (как и вообще румыно-унионизм в Молдове) все свое время пребывания в оппозиции обильно финансировались именно Румынией.

Последняя практически (или, лучше сказать, вообще) не скрывает, что румыно-унионизм в Молдове – это ее проект, и по-прежнему самые высокопоставленные официальные лица (вплоть до тогдашнего президента Т. Бэеску) позволяют себе высказывания насчет неизбежного в будущем «воссоединения Бессарабии».

Непосредственно же 7 апреля на сервер президентуры Республики Молдова была совершена четко зафиксированная DDoS-атака с территории Румынии. Но добавим – одновременно она шла и с территории Приднестровья.

Возможно ли, что в конечном итоге за «провокаторами» событий 7 апреля стояли некие транснациональные корпорации, их ин-

тересы и, соответственно, их спецслужбы (которые, как известно, сегодня иногда не уступают по своим возможностям и спецслужбам некоторых государств)?

Впрочем, оставим этот вопрос открытым и будем надеяться, что время прояснит все тайны. В любом случае, складывается ощущение, что здесь переплелись действия нескольких различных сил, каждая из которых в этой ситуации преследовала свои цели. И именно это переплетение их действий и намерений дало в итоге ту синергию, которая и привела именно к такому развитию событий 7 апреля 2009 г.

Стоит еще раз повторить: то, что эти события вообще стали возможны, обуславливается в конечном счете и прежде всего именно существовавшим и существующим сегодня глубинным расколом молдавского общества. И, очевидно, его политической элиты.

Сам же этот раскол возник и сохраняется потому, что Молдова оказалась яблоком раздора двух миров – Запада и России. Приз, имеющий для обеих сторон ценность скорее символическую, тем не менее стал ареной весьма несимволической и жесткой борьбы между ними.

5. Республика Молдова после 7 апреля 2009 г.: долговременные итоги и последствия (Вместо заключения)

Не в наших возможностях изложить здесь даже основные последствия событий 7 апреля. Но, поскольку в той или иной степени мы уже пытались сделать это ранее (Романчук 2015а; Ткачук 2015), читатели при желании смогут ознакомиться с нашими оценками по этому вопросу.

Если же все-таки попытаться в двух словах обозначить основные долговременные последствия событий 7 апреля для Молдовы, то это будет затяжной политический кризис, длящийся и по сей день.

Наилучшим его выражением стало то, что 10 августа 2015 г. Турбьёрн Ягланд, генеральный секретарь Совета Европы, во всеуслышание заявил: Молдова может стать следующей (после Украины) горячей точкой.

По его словам, «за последние шесть лет мало что было сделано для того, чтобы экономика страны и ее институты стали более открытыми. Коррупция остается неотъемлемой частью, государство по-прежнему находится в руках олигархов, а чрезвычайно низкие

доходы заставили сотни тысяч молдаван уехать за границу в поисках лучшей жизни» (Jagland 2015).

Стало ли лучше пять лет спустя?

На наш взгляд, нет. И, кажется, не только на наш².

Литература

Выборы: еще необходимы улучшения, утверждают иностранные наблюдатели. 2009. URL: <http://www.azi.md/ro/story/2109> (дата обращения: 22.10.2017).

Морарь, Н. 2009. Я не коммунист! URL: <http://natmorar.livejournal.com/36886.html> (дата обращения: 22.10.2017).

ОБСЕ признала парламентские выборы в Молдове. 2009. URL: <http://tiras.ru/news/7859-obse-priznala-parlamentskie-vybory-v.html> (дата обращения: 22.10.2017).

Романчук, А. А.

2011. Мюнхен № 2 или Молдавский путч по-европейски. В: Бабилунга, Н. В. (ред.), *«Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время*. Бендеры: Полиграфист, 518–521.

2015а. Молдавский «эксперимент»: шесть лет Молдовы под управлением Запада (2009–2015). В: Гринин, Л. Е., Коротаяев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина А. Р. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом*. Волгоград: Учитель. С. 243–265.

2015б. Перепутье: своевременные мысли Александра Стурдзы. В: Стурдза, А. С., *Размышления об учении и духе православной церкви*. СПб.: Нестор-История. С. 5–18. URL: <http://www.academia.edu/5605373/> (дата обращения: 22.10.2017).

Ткачук, М. Е.

2012. *Марк Ткачук об организаторах событий 7 апреля: «Они погнали молодежь, обманув ее, а потом швырнули и бросили на 3 года»*. URL: http://ru.publika.md/link_477551.html (дата обращения: 22.10.2017).

2015. *Грядущее прошлое. Три эссе о рождении, гибели и надежде*. Кишинев: Stratum plus.

Barry, E. 2009. Protests in Moldova Explode, With Help of Twitter. URL: <http://www.nytimes.com/2009/04/08/world/europe/08moldova.html> (accessed: 22.10.2017).

Hill, D., Kramer, D. 2010. *Moldova: The Twitter Revolution That Wasn't*. URL: <https://www.opendemocracy.net/node/48065/author/author/author/samuel-a-greene> (accessed: 22.10.2017).

² Первый вариант настоящей статьи см.: Tkachuk *et al.* 2022.

Jagland, T. 2015. *Bring Moldova Back From the Brink*. URL: http://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=2 (accessed: 22.10.2017).

Morozov, E. 2009. *Moldova's "Twitter Revolution"*. URL: <http://foreignpolicy.com/author/evgeny-morozov/> (accessed: 22.10.2017).

Mungiu-Pippidi, A., Munteanu, I. 2009. Moldova's "Twitter Revolution". *Journal of Democracy* 20(3): 136–142. DOI: 10.1353/jod.0.0102.

Sokor, V. 2009. *Ten Reasons Why the Communist Party Won Moldova's Elections Again*. URL: [http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=34821&tx_ttnews\[backPid\]=7&cHash=60102286c5#.Ve6W532Q3IV](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=34821&tx_ttnews[backPid]=7&cHash=60102286c5#.Ve6W532Q3IV) (accessed: 22.10.2017).

Steele, J. 2009. *It's Sour Grapes to Blame the Election for Moldovan Anger*. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/apr/13/moldova-election-financial-collapse> (accessed: 22.10.2017).

Taylor, J. 2009. *How Moldova Escaped the Crisis: Europe's Poorest Country is a Paragon of Financial Stability*. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2009/07/how-moldova-escaped-the-crisis/307497/> (accessed: 22.10.2017).

Tkachuk, M., Romanchuk, A., Timotin, I. 2022. "Moldovan Spring" 2009: The Atypical "Revolution" of April 7 and the Days that Followed. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. Societies and Political Orders in Transition*. Cham: Springer. Pp. 549–569. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_21.